

Стратегематика в византийской истории

Сопоставление с китайской традицией стратегемности

Андрей НАРЫШКИН

История Византии отмечена многочисленными политическими интригами и военными конфликтами, потребовавшими от византийских правителей применения изощрённых стратегий выживания. Византийцы, наследники римской традиции, зачастую предпочитали дипломатию и хитрость прямому столкновению.

Такой подход близок древнекитайскому искусству стратегем – непрямым приёмам достижения целей, описанным в трактате «36 стратегем». Китайские стратегемы представляют собой классические формулы хитроумных действий, основанных на введении оппонента в заблуждение, манипуляции восприятием и использовании слабостей противника. Применяя стратегемный подход к истории Византии, можно по-новому взглянуть на ключевые кризисы и решения византийских правителей.

В данном подходе стратегемы выступают удобной линзой, позволяющей отчётливее увидеть формы их применения в византийской традиции. Складывается впечатление, что, несмотря на значительную географическую дистанцию и культурные расхождения, византийские стратеги пришли к выводам, в целом сходным с китайскими мыслителями, и продиктовано это было прежде всего требованиями выживания.

Интересно выяснить:

- какие стратегемы из классических 36 можно усмотреть в действиях византийских императоров и полководцев во время кризисов;
- насколько византийская внешняя политика и военное искусство перекликаются с принципами, сформулированными в Древнем Китае;
- как современная историография оценивает роль обмана и хитрости в истории Византии.

НАРЫШКИН Андрей Александрович — доктор политических наук, доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России. *E-mail:* andr-naryshkin@yandex.ru

Ключевые слова: Византия, стратегиконы, 36 китайских стратегем.

Анализ осуществлялся на основе исторических хроник, византийских и китайских военных трактатов и современных исследований. Для каждого выбранного исторического кризиса проводилась параллель с азбукой стратагем, когда можно указать на соответствие с одной или несколькими китайскими стратагемами. Подобный сравнительный подход носит междисциплинарный характер, сочетая исторические исследования Византии и сформулированную востоковедами концепцию стратагемности.

Стратагемы и византийская стратегическая культура

Византийская стратагемность может рассматриваться в контексте античного наследия. Византия унаследовала от Рима и Греции обширный арсенал военных и дипломатических приёмов, однако её отношение к обману было двойственным.

Античные авторы описывали военные хитрости, но не выделяли их в особую рациональную науку о войне¹. Византийцы же, вступив в эпоху постоянных внешних угроз, вынужденно возвели хитрость в ранг искусства выживания государства.

«Византийская стратагемность черпает знания из богатейшего арсенала военной и дипломатической науки Древней Греции и Рима»², создавая на их основе новую систему мышления. Это проявилось как в военных трактатах³, так и в практических действиях императоров.

«Прежде всего стратег должен быть мудрым, воздержанным, бдительным, бережливым, стойким к трудам, разумным, свободным от корысти;

не слишком молодым и не слишком старым, по возможности – отцом семейства; кроме того, ему надлежит быть красноречивым и пользоваться доброй славой»⁴.

Эта цитата хорошо иллюстрирует, как античные авторы описывали личные добродетели полководца, не выделяя военные хитрости в самостоятельную рациональную дисциплину, – именно на этом контрасте строится аргумент о позднейшей византийской стратагемности.

Византийская терминология по данному вопросу базируется на эллинических началах. Термин «стратагема» греческого происхождения и означает военную хитрость, широко употреблялся в византийских текстах.

В трактате Кекавмена содержатся описания уловок и хитростей, применимых как в бою, так и в управлении государством⁵. Однако византийцы отличали оправданную хитрость во благо империи от неприемлемого обмана. Византийская культура войны

¹ The Stratagems, and the Aqueeducts of Rome, with an English translation / Ed. Capps E., Page T., Rouse W. L.: William Heinemann, 1925. – 490 p.

² Овишинов А. Н. Стратагематика – философия не прямых действий (новые подходы по её осмыслению) // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 1. С. 106.

³ Maurice's Strategikon: handbook of Byzantine military strategy. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984. – 179 p.

⁴ Onasander. The General: Strategikos. L.: Harvard University Press, 1928. P. 353-355.

⁵ Кекавмен. Советы и рассказы византийского боярина XI века / пер. с др.-гр., вступ. ст. и прим. Т. Б. Вахтель. М.: Наука, 1972. – 168 с.

формировала теорию военного обмана, соотнося его с этикой⁶.

Таким образом, стратагема рассматривались не только с утилитарной, но и с морально-правовой точки зрения, в отличие от прямолинейного акцента китайских 36 стратагем на том, что цель оправдывает средства.

Классический китайский трактат «36 стратагем»⁷ включает шесть групп по шесть стратагем, среди которых, к примеру:

– «Убить чужим ножом» – стравливание врагов между собой;

– «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» – удар по тылам противника вместо прямой конфронтации;

– «Бегство – лучшая стратагема» – организованное отступление как лучшая стратегия и др.

Не все эти приёмы находят прямое отражение в византийской истории, но многие аналогичные концепции использовались правителями империи.

В рамках данной работы отображены наиболее применимые к конкретным историческим событиям примеры, в том числе:

– стратагема № 3: «Убить чужим ножом» – использование третьей силы для устранения противника;

– стратагема № 6: «Грабить во время пожара» – атака, когда враг ослаблен внутренними проблемами;

– стратагема № 17: «Бросить кирпич, чтобы получить яшму» – малая уступка ради большей выгоды;

– стратагема № 18: «Чтобы поймать разбойников, надо прежде поймать главаря» – обезглавливание, ослабление противника;

– стратагема № 23: «Объединиться с дальним врагом, чтобы победить ближнего» – союз с дальним государством против ближней угрозы;

– стратагема № 24 «Объявить, что только собираешься пройти сквозь государство Го и захватить его» – проявление видимых намерений маскирует истинную цель;

– стратагема № 28: «Заманить на крышу, убрав лестницу» – окружение и отрезание пути к отступлению;

– стратагема № 30: «Превратить роль гостя в роль хозяина» – перехватить инициативу, перевернуть игру, перетянуть на себя главенствующую роль;

– стратагема № 36: «Бегство – лучшая стратагема» – спасительное бегство как стратегия.

Политические кризисы и дворцовые перевороты: хитрость во внутренней борьбе

Заговоры и перевороты, свойственные византийской истории, являются прямой реализацией стратагем. Византийская политическая

культура изобилует примерами, когда императоры приходили к власти путём интриг и переворотов, часто проливая кровь предшественников.

⁶ Chatzelis G. Stratagems and the Byzantine Culture of War: The Theory of Military Trickery and Ethics in Byzantium // *Byzantinische Zeitschrift*. 2022. № 115(3). P. 719-768.

⁷ Зенгер Х. фон. Стратагема 1–18 // *Китайское искусство жить и выживать: В 2 т. М.: Эксмо, 2023. Т. 1. – 702 с.; Verstappen S. The Thirty-Six Strategies. Toronto: Woodbridge Press, 2017. – 200 p.*

Эти события можно трактовать в рамках стратагем, подчёркивающих обман врага изнутри.

Пример – восхождение императора Василия I Македонянина.

Первоначально Василий был приближённым императора Михаила III. Опасаясь потерять влияние, Василий организовал убийство Михаила в 867 г., став сам императором. В китайской традиции это напоминает стратагему № 3 «Убить чужим ножом»: Василий использовал доверие Михаила для захвата власти.

Чужой «нож» в данном контексте – это статус справителя.

В этом перевороте очевидна стратагема – устранение врага руками приближённых, путём предательства.

Другой пример – убийство императора Никифора II Фоки в 969 г.

Заговор организовали его жена Феофано и племянник Иоанн Цимисхий: они впустили убийц во дворец и закололи Никифора во сне⁸.

Здесь можно видеть комбинацию стратагем: «Заманить на крышу, убрав лестницу» – Никифор был лишён поддержки, оставшись практически один ночью; и «Скрывать за улыбкой кинжал», когда Цимисхий, друг и доверенное лицо, оказался предателем.

Патриарх Полиевит потребовал от нового императора покаяния за преступление, но сам факт успешного переворота демонстрирует, что византийский двор был ареной тонких интриг, созвучных восточной мудрости об обмане ради высшей цели.

Никайское восстание 532 г. является олицетворением стратагемы № 2 «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао».

Одним из важнейших внутренних кризисов было Никайское восстание 532 г. Восстание началось из-за недовольства политикой императора Юстиниана I.

Толпа, поддерживаемая сенаторской оппозицией, едва не свергла Юстиниана. Император оказался запертым в дворце, и всерьёз помышлял о бегстве⁹. Спасла ситуацию решимость императрицы Феодоры, её знаменитое изречение: «Пурпур – лучший саван для того, кто носил его» – удержало Юстиниана от бегства.

Хитроумные действия полководцев обусловили дальнейшее развитие событий. В критический момент Юстиниан применил стратагему: выпустил к мятежникам двух своих соперников на трон, племянников прежнего императора – Гипатия и Помпея. Восставшие тотчас провозгласили Гипатия императором, сосредоточившись вокруг него на ипподроме.

Таким образом Юстиниан «заманил противников на крышу и убрал лестницу», применив стратагему № 23: создал ситуацию, где мятежники сами собрались в одном месте, думая праздновать победу.

После этого в действие вступил полководец Велизарий.

Согласно хронике, Юстиниан дал сигнал к наступлению: солдаты ворвались на ипподром с нескольких сторон, а евнух Нарсес подкупил часть бунтовщиков деньгами. Результатом стала резня – около 30 000 погибших¹⁰ и восстановление порядка.

Стратагемный анализ показывает, что Юстиниан сначала уступил незначимое, уволив непопулярных министров – «бросил кирпич», затем концентрация врага в одном месте, на ипподроме, позволила одновременно решить проблему силой.

Этот эпизод перекликается с китайской стратагемой № 17 «Бросить кирпич, чтобы получить яшму» – незначительные уступки привели к тому,

⁸ Лев Диакон. История / пер. М.М. Копыленко; комм. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. – 244 с.

⁹ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер. А.А. Чекалова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Алетейя, 2017. – 544 с.

¹⁰ The Nika riot // History of Istanbul [Official Website] // URL: <https://istanbularihi.ist/407-the-nika-riot>

что мятежники потеряли бдительность и собрались праздновать, где и были пойманы врасплох.

Кроме того, видна стратагема № 6 «Грابتь во время пожара»: Юстиниан дождался, когда город был охвачен хаосом, «пожаром» мятежа, и лишь тогда нанёс решающий удар, когда мятежники были уже истощены пятью днями бунта.

Стоит упомянуть оценку историков. Г. Грейтрекс отмечает, что Ника хоть и крупнейший бунт, но не единственный, однако именно подробность сохранившихся источников создала её легендарную репутацию. Очень важно, что император проявил большую гибкость: от пассивности и уступок он перешёл к решительной жёсткости, когда сложились необходимые условия. Такая способность менять тактику соответствует принципу китайской стратагемности – адаптация ко времени и обстановке.

В Византии перевороты нередко дополнялись дипломатическими стратагемами для узаконивания власти.

Например, Алексей I Комнин, захватив трон в 1081 г., укрепил своё положение через сложную комбинацию союзов и обещаний.

Он заключил союз с семьёй Дука, усыновившись вдовствующей императрицей Марией Алянской и обручив своего сына с её дочерью¹¹.

Это можно рассматривать как реализацию стратагемы № 23 «объединиться дальним, чтобы воевать с ближним» – союз с влиятельной, но политически далёкой географически (либо политически) силой, которую представляли бывшая императрица и её

клан, для устранения ближней угрозы – законного императора Никифора III, правившего три года.

Алексий «бросил кирпич» – поделился властью символически через усыновление и получил «яшму» – лояльность столичного истеблишмента и церкви, которые признали его власть легитимной. В дальнейшем Алексей I прославился мастерством дипломатии: заставил лидеров первого крестового похода принести ему оммаж (присягу) и обещание вернуть отвоёванные у турок земли¹².

Этот шаг – классический пример стратагемы № 17: он предоставил крестоносцам провизию и поддержку – «кирпич», а взамен получил города в Малой Азии и вассальную присягу – «яшму».

Латинские хронисты обвиняли Алексея в вероломстве и коварстве¹³, Анна Комнина же превозносила его мудрость¹⁴.

Таким образом, дипломатическое лукавство стало византийским фирменным стилем, о чём пишет и Э. Люттвак: «Византийцы предпочитали убеждение и кооптацию решающим битвам»¹⁵, стремясь сохранить ресурсы и срамливать врагов между собой.

Стратагема № 3 «Убить чужим ножом» – такого рода действия имели место и в византийской истории. Особой темой являются влиятельные императрицы и регентши, прибегавшие к тайным ходам.

Например, императрица Ирина (VIII в.) ослепила собственного сына Константина VI, чтобы сохранить власть – беспрецедентный случай женщины-императора на троне. Хотя это можно трактовать как жестокость ради власти, стратагемный

¹¹ Анна Комнина. Алексиада / пер. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. – 703 с.

¹² Там же.

¹³ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М.: Высшая школа, 1977. – 272 с.

¹⁴ Анна Комнина. Алексиада.

¹⁵ Luttwak E. The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 2009. P. 5.

анализ усматривает здесь цепочку стратагем: № 11 «Пожертвовать сливой, чтобы спасти персик» и упомянутую тактику № 3.

Ирина принесла сына в жертву ради политических амбиций, однако действовала не лично, а через приближённых, т. е. убивала фигурально «чужим ножом». Это позволило ей формально не нарушать табу царевубийства – она ослепила, а не убила сына, хотя результатом стала его смерть от ран.

Подобные эпизоды подтверждают мысль, что в Византии интрига превалировала над открытой борьбой. Как отмечают византинисты, система придворных ритуалов и кровного родства редко удерживала

амбициозных политиков от применения предательства, если того требовала борьба за власть.

Итак, внутренняя политика Византии богата примерами стратагемной практики. Дворцовые перевороты, подавление мятежей и династические союзы подтверждают эффективность принципов, аналогичных китайским стратагемам – разделяй и властвуй, используй чужие руки, обманывая врага обещаниями.

Византийские правители блестяще владели искусством обмана как оружием политики, что признаётся и современными исследователями.

Внешние войны и дипломатия: стратагемы на мировой шахматной доске

Одним из величайших испытаний для Византии стала война с Сасанидским Ираном в начале VII в.

Император Ираклий, правивший в 610–641 гг., столкнулся с катастрофической ситуацией: персы в 614 г. захватили Иерусалим, в 619 г. – Египет, а в 626 г. подступили к Константинополю.

Победа Ираклия в этой войне во многом обязана нестандартным стратегиям, которые он применил. Ираклий заключил союз с тюрками¹⁶ (западными тюрками-хазарами) – классический пример стратагемы № 23 «Объединиться с дальним врагом, чтобы воевать с ближним».

Китайская стратагема гласит: заключи союз с дальним государством, чтобы сокрушить ближнего врага. Ираклий именно так и поступил: договорился с каганом западных тюрков Тон-Ябгу о со-

вместных действиях против Персии. В 627 г. хазарский отряд (до 40 тыс.) вторгся на Кавказ, сковав силы персов. Сам Ираклий тем временем повёл армию в глубь Персии, одержал победу при Ниневии в 627 г. и довершил разгром союзными действиями с тюрками.

Современник Феофан Исповедник так описывает эту тактику: «Ираклий, заключив союз с восточными тюрками, которых называют хазарами, убедил их выступить против персов. Их орда опустошила персидские провинции, в то время как сам император прорвался в глубь Ассирии»¹⁷.

Это не что иное, как реализация стратагемы «убить чужим ножом»: руками хазар Ираклий ослабил врага.

Так же он сеял раздор в стане врага – персидский военачальник Ша-

¹⁶ The Cambridge History of the Byzantine Empire / Ed. by Shepard J. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1207 p.

¹⁷ Феофан Исповедник. Хронография / пер. В.И. Оболенского, Ф.А. Терновского // Летопись византийца Феофана. М.: Наука, 1980. С. 235-236.

хрвараз был склонён к предательству через поддельные письма Кисроя II (Хосрова): Ираклий перехватил переписку и подделал царский приказ об казни Шахрвараза, чем склонил последнего к бездействию¹⁸.

Эта история прекрасно иллюстрирует стратегию № 33 «Сеяния раздора». В результате персидская армия, разделённая интригами, не смогла дать отпор: Кисрой II был свергнут, а новый шах заключил мир на условиях возврата всех захваченных территорий Византии.

По мнению исследователя Дж. Х. Говарда-Джонстона, «комбинация военных наступлений Ираклия с дипломатическим подкупом персидских военачальников и привлечением союзников-тюрок привела к неожиданному восстановлению могущества Восточной Римской империи в 628 г.»¹⁹. Таким образом, Ираклий победил не столько мечом, сколько хитростью, что соответствует и китайским принципам: лучшая победа – та, которой достигли без решающего сражения.

Борьба с Болгарским царством в X–XI вв. потребовала от византийцев терпения и изобретательности. Император Василий II, правивший в 976–1025 гг., после долгих кампаний разгромил царя Самуила, причём сделал это с показательным жестоким стратегическим жестом.

После победы при Клейдионе в 1014 г. Василий взял в плен около 14 тыс. болгар и приказал

ослепить 99 чел. из каждой сотни, оставив сотого одноглазым поводырём. Когда ослеплённые воины вернулись к Самуилу, царь, увидев «армию слепцов», пережил удар и скончался²⁰.

Этот акт можно сопоставить с несколькими стратегиями.

С одной стороны, психологическое устрашение врага – классический приём непрямого воздействия: в китайской военной мысли ценилась победа «без боя», сокращение воли сопротивляться, а с другой – Василий проявил милосердие видимое (не убил), обернувшееся жестокостью абсолютной, что напоминает стратегию № 24 «Объявить, что только собираешься пройти сквозь государство Го и захватить его». Болгар не ожидали такого обращения – обычно пленённых либо убивали, либо обращали в рабство, но тут их отпустили... без глаз.

Византийская историография сохранила за Василием прозвище Болгаробоец, хотя, как метко заметил историк П. Стефенсон, он скорее «ослепитель болгар, чем убийца»²¹. Однако эффект стратегии был достигнут: деморализованное Болгарское царство быстро покорилося, и Византия вернула границы на Дунае.

Важно отметить, что жестокие стратегии устрашения не были чужды и китайской традиции и практике. Действия Василия II абсолютно соответствуют этому духу. Бо-

¹⁸ *Феофан Исповедник*. Хронография. С. 240–241.

¹⁹ *Howard-Johnston J.* East Rome, Sasanian Persia and the End of Antiquity: Historiographical and Historical Studies. Aldershot: Ashgate, 2006. P. 123.

²⁰ *Skylitzes J.* A Synopsis of Byzantine History. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 491 p.

²¹ *Stephenson P.* The Legend of Basil the Bulgar-Slayer. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. – 350 p.

лее того, он распустил слухи о своей неумолимости, что, по свидетельству современников, подрывало волю к сопротивлению у оставшихся защитников болгарских крепостей. Византийцы отлично понимали силу репутации: устрашение – тоже оружие.

Столкновение Византии с западными державами в XI–XII вв. обладало искусностью византийской дипломатии.

Алексей I Комнин и его преемники практиковали тактику стравливания врагов между собой²².

В период первого крестового похода Алексей сумел извлечь максимальную пользу, не участвуя напрямую в боях, а выступая поставщиком и арбитром. Он по очереди принимал крестоносных князей, разъединяя их усилия: каждый клялся ему в верности отдельно. Стратегия «разделяй и властвуй» приносила свои плоды.

В 1097 г. крестоносцы осадили Никею, однако город сдался не им, а византийцам – по предварительному тайному соглашению, вызвав возмущение крестоносцев, но возвращая Византии столицу провинции²³.

Западные источники обвиняли Алексея в предательстве при Антиохии в 1098 г., когда он не пришёл на выручку крестоносцам, сочтя (на основании ложных вестей) город утраченным. В итоге один из вождей, Боэмунд Тарентский, нарушил присягу и захватил Антиохию, провозгласив княжество. Но и тут византийское стратегическое мышление нашло путь разрешения ситуации: спустя несколько лет Алексей хитростью выманил Боэмунда на Балканы и вынудил подписать Девольский договор (1108 г.), по которому норманн признал себя вассалом императора²⁴. Фактически Алексей использовал «кирпич и яшму»: он отпу-

стил Боэмунда, даровав ему титул и пенсию – «кирпич», взамен тот присягнул на верность византийскому императору – «яшма»²⁵. Хотя реально контроль над Антиохией вернуть не удалось, Византия сумела избежать прямого конфликта и ослабила опасного врага дипломатически.

Его внук Мануил I Комнин продолжил политику двойных союзов: одновременно поддерживал связи с крестоносцами и переписывался с их противниками – египетскими Фатимидами, чтобы направить удар креста на чужие земли. Когда второй крестовый поход в 1147 г. шёл через Византию, Мануил заключил перемирие с турками, фактически натравив их на крестоносцев в Малой Азии, – это яркий пример стратегии «Убить чужим ножом».

В хрониках Отгон Фрейзингенский негодует, что греки нарочно плохо снабжали латинское войско и вступили в сговор с сельджуками, в результате чего германская армия погибла в горах Анатолии. Византия действовала из расчёта ослабить и западных, и восточных соседей, выступая посредником в их конфликте. Тактика, схожая с китайской стратегией № 9 «Наблюдать за пожаром с противоположного берега». Византия сохранила свои земли, хотя крестоносцы и обвиняли её в предательстве.

Самый большой внешнеполитический крах византийской стратегии – захват Константинополя крестоносцами в 1204 г. Его можно истолковать как неудачу стратегического подхода.

²² The Cambridge History of the Byzantine Empire.

²³ Анна Комнина. Алексиада.

²⁴ Там же.

²⁵ Angold M. The Byzantine Empire 1025–1204: A Political History. 2nd ed. L.: Longman, 1997. – 374 p.

Император Алексей IV Ангел, пытаясь использовать крестоносцев против конкурентов, обещал им золотые горы за помощь в восстановлении на троне²⁶. Это была попытка использования стратагемы № 17, направленной на то, чтобы малой ценой купить большую выгоду, но обещания оказались невыполненными: казна опустела, а крестоносцы, разгневанные обманом, сами обратились против города. Здесь византийская хитрость дала сбой – ложное обещание союзнику обернулось катастрофой.

Надежда на то, что крестоносцы уйдут, не получив плату, не реализовалась – была unsuccessfully применена стратагема № 1 «Обмануть небо, чтобы переплыть море»: латиняне применили свою, куда более грубую тактику: силой взять то, что не дали миром.

Падение 1204 г. – поучительный пример, что стратагемная политика несёт риски, если противник не поддаётся манипуляции. Тем не менее уже при Никейской империи потомки византийцев вновь вернулись к проверенным методам.

Император Никеи Михаил VIII Палеолог сумел неожиданно вернуть Константинополь, когда латинский гарнизон отсутствовал. Его полководец Алексей Стратегопул с небольшим отрядом тайно проник в город, воспользовавшись информацией, что латинская армия и флот ушли в поход.

Ночью 25 июля 1261 г. несколько греков-пастухов (бывшие наёмники) провели отряд через потайной ход. Они подожгли латинские кварталы,

посеяв панику, и открыли ворота. Проснувшись, латиняне решили, что их атакует большая армия. Стратегопул специально рассредоточил солдат и греческих жителей по стенам, создавая видимость множества войск. В результате враг бежал, и город пал практически без боя²⁷.

Этот блестящий эпизод воплощает сразу несколько стратагем:

– № 2 «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» – воспользоваться отсутствием основной части войска;

– № 6 «Поднять шум на востоке – напасть на западе» – создание впечатления масштабного нападения;

– № 15 «Сманить тигра с горы на равнину» – поставить противника в невыгодное положение, заставить его вступить в бой в непривычных для себя условиях.

Без сомнения, эффект внезапности и обмана стал решающим. Показательно и прозвище должности полководца – Стратегопул, буквально «сын стратега/стратегии» – как будто сама история подчёркивает значение стратегемности в успехе.

Современные исследователи говорят о «случайности» возвращения города²⁸, но и эта удача стала возможной благодаря тому, что византийцы держали руку на пульсе и были готовы воспользоваться малейшим шансом – качеством, восплаемое китайскими стратегами: «Бить врага, когда он уязвим».

Впоследствии Михаил VIII заключил союз с генуэзцами, чтобы закрепить успех, снова заключив союз с дальними (стратагема № 23).

²⁶ Nicol D.M. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 480 p.

²⁷ Harris J. *Constantinople: Capital of Byzantium*. L.: Bloomsbury Academic. 2nd edition. 2017. – 304 p.

²⁸ Angold M. *Byzantium: The Bridge from Antiquity to the Middle Ages*. L.: Phoenix Press, 2001. – 344 p.; Nicol D. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 463 p.

Внешняя политика Византии от Ираклия до Палеологов демонстрирует широкое применение непрямых методов войны: союзничество и стравливание варваров (против гуннов, болгар, арабов), использование дипломатии браков и христианизации (вовлечение Болгарии в орбиту империи через церковь), подкуп и устрашение. Как пишет Э. Люттвак, «...идеально, варваров следовало подкупить, чтобы они ушли или напали на других, вместо прямого столкновения»²⁹. Это полностью согласуется с доктриной большинства китайских стратагем – победить малой кровью, чужими руками, манёвром, а не фронтальной атакой.

Даже столь разные цивилизации, как Танский Китай и Византия, пришли к сходным выводам, продиктованным реалиями выживания: обман как инструмент политики, хитрость как добродетель правителя во имя спасения государства. Следует учитывать, что и Китай, и Византия были крупными державами с одинаковыми «инстинктами», политическая философия которых основывалась на созвучных политических концепциях, на высокоразвитых традициях общественно-политической и военной мысли. Востребованным представляется рассуждение на тему о характере культуры и государственности восточной деспотии.

Баланс и противоречие хитрости и добродетели: византийская историография о стратагемах. Сравнение с китайской традицией

Этика обмана в византийском обществе была достаточно противоречива. Византийцы, будучи глубоко религиозными, испытывали внутренний конфликт между христианской моралью (запретом лжи, убийства) и необходимостью хитрости в политике. Это отражено в сочинениях церковных авторов и историков³⁰.

Например, Михаил Пселл порицает императоров за коварство, но одновременно восхищается их успехами³¹.

Византийская историография часто прибегает к эвфемизмам: успеш-

ные стратагемы называются мудростью, а неудачные – коварством. Императоров, умевших перехитрить врагов, воспевали (так, Феофан называл Ираклия «Новым Константином» за спасение империи), однако за чрезмерную хитрость могли осудить (императрица Ирина, ослепившая сына, в итоге свергнута).

Византийская культура выработала теорию допустимого обмана: военная хитрость признавалась оправданной, если служила справедливой войне или защите империи³². Это напоминало китайский принцип: «Война – путь обмана»³³,

²⁹ Luttwak E. The Grand Strategy of the Byzantine Empire. P. 40.

³⁰ Chatzelis G. Stratagems and the Byzantine Culture of War.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Сунь-цзы. Искусство войны / пер. с кит. Н.И. Конрада. М.: АСТ, 2019. С. 12.

но в византийской интерпретации – обман во благо правой веры и империи³⁴. Таким образом, теологически оправдывалось применение стратагем против «неверных» или узурпаторов.

Например, Алексей I в «Алексиаде» предстаёт благочестивым хитрецом: его уловки и клятвы трактуются как вынужденные меры для спасения империи, и Бог будто бы поддерживает его в этих начинаниях. Сам автор сравнивает своего отца с льстивым Одиссеем, не осуждая, а любясь им.

В Китае корпус стратагем сформировался как отдельный жанр.

В Византии не было собственного «Трактата о 36 хитростях», но были военные руководства, включившие главы об обманных манёврах. Например, «Тактика» Льва VI³⁵ описывает приёмы ночных атак, ложных отступлений, шпионажа.

Китайская стратагема «Сеяние раздора» применялась византийцами постоянно – дезинформация врага через подкуп лазутчиков у персов, через диппочту у крестоносцев. Тем не менее на уровне саморефлексии византийцы не развивали теорию стратагемности так глубоко, как это сделали, скажем, китайские комментаторы «Искусства войны». Причина – религиозное табу на признание лжи добродетелью. Поэтому византийские авторы чаще хвалят мудрость и рассудительность, фак-

тически имея в виду хитрость, но избегают этого слова.

В научных исследованиях прослеживаются параллели: «Византийская стратагематика уходит корнями в Античность, но даёт новые формы мышления»³⁶.

Можно сказать, что византийцы практиковали стратагемы интуитивно, исходя из опыта и традиций духовного наследия Древней Греции и Древнего Рима, а китайцы – ещё и осмысленно, создавая памятки и руководства. Однако итог сходен: и там и там сложилась цивилизация хитрости, где выживание государства оправдывало определённую долю обмана.

Историография XIX–XX вв. нередко критиковала Византию за коварство и «упадок воинских доблестей»³⁷. Однако современные византилисты реабилитируют византийскую стратегию, подчёркивая её рациональность.

Эдвард Люттвак в своей работе *Grand Strategy of the Byzantine Empire* отмечает, что Восточная империя прожила тысячу лет дольше Западной именно благодаря готовности воевать умом, а не мечом³⁸. Такая «экономия силы» позволяла пережить нашествия, переманивая врагов на свою службу, выигрывая время и разводя коалиции противников.

В то же время византийский опыт служит предупреждением: в конце концов, чрезмерная зависимость от

³⁴ Luttwak E. *The Grand Strategy of the Byzantine Empire*. P. 409.

³⁵ *The Taktika of Leo VI* / Ed. by Dennis G. Washington D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010. – 690 p.

³⁶ Зенгер Х. фон. Стратагемы 1–18. С. 36.

³⁷ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: В 7 т. / пер. В.Н. Неведомского. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова; Тип. В.Ф. Рихтер, 1885. Т. V. С. 45.

³⁸ Luttwak E. *The Grand Strategy of the Byzantine Empire*.

дипломатии при ослаблении реальной военной мощи привела к краху в 1204 г. Империя исчерпала ресурс манёвра, когда столкнулась с противником, которого нельзя было ни купить, ни обмануть. Стратagemный подход эффективен, но не всемогущ.

Интересный тезис: «Стратagemы представляют сложное социальное

явление, трудно поддающееся исследованию, поскольку уловки и хитрости – уникальны, нетипичны»³⁹. Каждый кризис требует уникального сочетания хитростей, и византийцы демонстрируют это: от Ники до Манцикерта и до союза Феррары – Флоренции, их методы лавировали от силы к хитрости и обратно.

Стратagemный подход к истории Византии подсвечивает постоянную интеллектуальную борьбу византийских правителей за сохранение империи. Будучи окружены более сильными в военном отношении врагами – персами, арабами, тюрками, позже крестоносцами, – византийцы превратили дипломатию, обман и дальновидность в своё главное оружие. Многие кризисы разрешались не столько мечом, сколько словом, золотом или уловкой. Китайские стратagemы, возникшие в иной культурной среде, удивительно точно отображают сущность этих приёмов. Ниже приведены некоторые примеры:

– стратagemа № 2 «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» – отвлекающие манёвры, как при отвоевании Константинополя, когда удар по городу, где отсутствовала большая часть войска, была усилена фактором неожиданности. Византийцы нередко угрожали базам противника, заставляя снять осаду;

– стратagemа № 3 «Убить чужим ножом» – византийцы сталкивали варварские племена между собой, привлекая одних против других. Это продлило жизнь империи без прямых столкновений⁴⁰;

– стратagemа № 33 «Сеяние раздора» – от подкупа претендентов на престол у врагов до раскола единства крестоносцев обещаниями, – империя мастерски играла на разделении лагеря врага;

– стратagemа бегства № 36 воплотилась в эвакуации двора в Никею в 1204 г. и восстановлении империи спустя 57 лет.

Конечно, стратagemы – не панацея. Византия пала окончательно в 1453 г., когда не было возможности совершить дипломатический манёвр. Османы сумели использовать собственные стратегии, например, фальшивое обещание пощады защитникам города, затем его нарушение, и имели подавляющее материальное превосходство. Но тысячелетняя история Восточной Римской империи учит, что ум, хитрость и дипломатия могут одолеть грубую силу – по крайней мере, на время.

Византия представляет собой яркий исторический пример цивилизации, где «перо и слово нередко побеждали меч». Стратagemный подход позволил увязать разрозненные эпизоды её истории в единую канву: от дворцовых интриг до международных альянсов – везде заметна стратегическая направ-

³⁹ Овшинов А.Н. Стратagemатика – философия непрямых действий (новые подходы по её осмыслению). С. 108.

⁴⁰ Luttwak E. The Grand Strategy of the Byzantine Empire.

ленность на непрямо́е дости́жение цели. Византийская культура, опираясь на эллинское наследие, дала новые формы стратагемного мышления, что и обеспечило её долговечность.

Китайские же стратагемы выступают удобной линзой, через которую эти формы становятся особенно рельефны.

Стратагемность византийского менталитета оказывается созвучной стратагемности мышления, характерного для китайской политической культуры. Без констатации этого факта сравнительный анализ двух моделей поведения государств, исторически не соприкасавшихся напрямую, лишается основания. Объяснение заключается в особенностях государственности Византии и Древнего Китая, демонстрировавших ряд схожих черт, а также в мощном культурном фундаменте, обеспеченном высокоразвитой цивилизацией обеих империй.

Перефразируем древнюю мудрость: Византию не только меч охранял – её оберегали хитрость и мудрость императоров.

Изучение стратагемного аспекта византийской истории обогащает наше понимание гибкости стратегии как фактора исторической устойчивости государств. Опыт Византии и Китая в этом плане удивительно схож, подтверждая универсальность ряда стратегических принципов, рождающихся независимо в разных культурах.

Библиография • References

- Анна Комнина*. Алексиада / пер. Я.Н. Любарского. СПб.: Алетей, 1996. – 703 с.
- Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи: В 7 т. / пер. В.Н. Неведомского. Т. V. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова; Тип. В.Ф. Рихтер, 1885.
- Заборов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. М.: Высшая школа, 1977. – 272 с.
- Зенгер Х. фон.* Стратагемы 1–18 // Китайское искусство жить и выживать: В 2 т. М.: Эксмо, 2023. Т. 1. – 702 с.
- Кекавмен.* Советы и рассказы византийского боярина XI века / пер. с др.-гр., вступ. ст. и прим. Т.Б. Вахтель. М.: Наука, 1972. – 168 с.
- Лев Диакон.* История / пер. М.М. Копыленко; комм. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М.: Наука, 1988. – 244 с.
- Овишинов А.Н.* Стратагематика – философия не прямых действий (новые подходы по её осмыслению) // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 1. С. 103–112.
- Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер. А.А. Чекалова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Алетей, 2017. – 544 с.
- Сунь-цзы.* Искусство войны / пер. с кит. Н.И. Конрада. М.: АСТ, 2019. – 256 с.
- Феофан Исповедник.* Хронография / пер. В.И. Оболенского, Ф.А. Терновского // Летопись византийца Феофана. М.: Наука, 1980. – 376 с.
- Angold M.* Byzantium: The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. L.: Phoenix Press, 2001. – 344 p.
- Angold M.* The Byzantine Empire 1025–1204: A Political History. 2nd ed. L.: Longman, 1997. – 374 p.

- Chatzelis G.* Stratagems and the Byzantine Culture of War: The Theory of Military Trickery and Ethics in Byzantium // *Byzantinische Zeitschrift*. 2022. № 115(3). P. 719-768.
- Harris J.* Constantinople: Capital of Byzantium. L.: Bloomsbury Academic. 2nd edition. 2017. – 304 p.
- Howard-Johnston J.* East Rome, Sasanian Persia and the End of Antiquity: Historiographical and Historical Studies. Aldershot: Ashgate, 2006. – 302 p.
- Luttwak E.* The Grand Strategy of the Byzantine Empire. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 2009. – 498 p.
- Maurice's Strategikon: handbook of Byzantine military strategy. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984. – 179 p.
- Nicol D.* The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 463 p.
- Nicol D.M.* Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 480 p.
- Onasander.* The General: Strategikos. L.: Harvard University Press, 1928. P. 353-355.
- Skylitzes J.* A Synopsis of Byzantine History. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 491 p.
- Stephenson P.* The Legend of Basil the Bulgar-Slayer. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. – 350 p.
- The Cambridge History of the Byzantine Empire / Ed. by Shepard J. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 1207 p.
- The Nika riot // History of Istanbul [Official Website] // URL: <https://istanbultarihi.ist/407-the-nika-riot>
- The Stratagems, and the Aqueducts of Rome, with an English translation / Ed. Capps E., Page T., Rouse W. L.: William Heinemann, 1925. – 490 p.
- The Taktika of Leo VI / Ed. by Dennis G. Washington D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010. – 690 p.
- Verstappen S.* The Thirty-Six Strategies. Toronto: Woodbridge Press, 2017. – 200 p.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2025 г.

Статья принята к публикации 30 сентября 2025 г.